

DOI: 10.25178/nit.2023.3.10

Статья

Модель языковой комфортности в городском пространстве: новые аспекты и методы исследования

Айса Н. Биткеева

Институт языкознания РАН; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Российская Федерация,

Ирена С. Хохолова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова; Институт языкознания РАН,
Российская Федерация,

Виктория В. Филиппова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Российская Федерация

Статья представляет анализ методологии и методики изучения социокультурных и языковых процессов в современном городе в контексте урбанизационных процессов.

Авторами предлагается методика комплексного междисциплинарного исследования, основанная на подходах социолингвистики — построение модели языковой комфортности городской коммуникации, которая обусловлена вариативностью городского населения по социальным, профессиональным, возрастным и этническим признакам, степени урбанизированности, а также разнообразием основных параметров языковой коммуникации города, ее уровней и типов, с многоаспектностью коммуникативных целей и стратегий, обеспечивающих комфортное общение во всех сферах городской жизни (профессиональной, образовательной, повседневной и т. д.). Данная модель позволит осуществлять прогнозирование развития языковой ситуации в условиях города в синхронной и диахронной перспективах с использованием методов языковой биографии, измерения конфликтного потенциала, социального картографирования, ГИС-технологий, ассоциативного эксперимента, методики незаконченных предложений.

В качестве экспериментальной площадки исследования избран город Республики Саха (Якутия) — Якутск. Величина, плотность населения и гетерогенность связей между его жителями определяют качественные черты городской культуры как образа жизни.

Ключевые слова: языковое пространство города; модель языковой комфортности; Якутск; якутский язык

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01318
<https://rscf.ru/project/23-28-01318/>

Для цитирования:

Биткеева А. Н., Хохолова И. С., Филиппова В. В. Модель языковой комфортности в городском пространстве: новые аспекты и методы исследования // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 151-170. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.10>

Биткеева Айса Николаевна — доктор филологических наук, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН; ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, пер. Большой Кисловский, д. 1/1. Эл. адрес: an.bitkeeva@iling-ran.ru

Хохолова Ирена Семеновна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики», доцент Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова; научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. Адрес: 677000, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 141. Эл. адрес: iskhokholova@mail.ru

Филиппова Виктория Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, и.о. руководителя Центра арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1, каб. 402. Эл. адрес: Filippovav@mail.ru

Article

Model of language comfort in urban space: New aspects and research methods

Aisa N. Bitkeeva

*Institute of Linguistics of the RAS; Gorky Institute of World Literature of the RAS,
Russian Federation,*

Irena S. Khokholova

*M. K. Ammosov North-Eastern Federal University; Institute of Linguistics of the RAS,
Russian Federation,*

Viktoriya V. Filippova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB of the RAS, Russian Federation

The article presents an analysis of the methodology and methods of studying sociocultural and linguistic processes in a modern city in the context of urbanization processes.

The authors propose a method of complex interdisciplinary research based on sociolinguistic approaches — constructing a model of linguistic comfort of urban communication, which is conditional upon the variability of the urban population by social, professional, age and ethnic characteristics, upon the degree of urbanization, as well as upon the diversity of the main parameters of the language communication in a city, its levels and types, with the multidimensionality of communicative goals and strategies that ensure comfortable communication in all areas of urban life (professional, educational, mundane, etc.). This model will allow to make a prognosis of the development of the language situation in a city in synchronous and diachronic perspectives using methods of the language biography, measuring conflict potential, social mapping, GIS technologies, associative experiment, methods of unfinished sentences.

The city of Yakutsk in the Republic of Sakha (Yakutia) was chosen as an experimental research site. The size and density of the population and heterogeneity of connections between its inhabitants determine the qualitative features of urban culture as a mode of life.

Keywords: city linguistic space; model of linguistic comfort; Yakutsk; Yakut language

Financing

The study was supported by grant No. 23-28-01318 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/en/project/23-28-01318/>

For citation:

Bitkeeva A. N., Khokholova I. S. and Filippova V. V. Model' iazykovoi komfortnosti v gorodskom prostranstve: novye aspekty i metody issledovaniia [Model of language comfort in urban space: New aspects and research methods]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 151-170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.10>

BITKEEVA, Aisa Nikolaevna, Doctor of Philology, Head, Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 1/1, Bolshoy Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation. E-mail: an.bitkeeva@iling-ran.ru

ORCID ID: 0000-0003-3765-2144

KHOKHOLOVA, Irena Semenovna, Candidate of Philology, Senior Researcher, International Research Laboratory "Linguistic Ecology of the Arctic", Associate Professor, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University; Researcher, Research Center for National-Linguistic Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Postal address: Office 141, 42, Kulakovskiy St., 677000 Yakutsk, Russian Federation. E-mail: iskhokholova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8547-6750

FILIPPOVA, Viktoriya Viktorovna, Candidate of History, Senior Researcher, Center of the Arctic Researches, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 1, Petrovskogo St., 677027 Yakutsk, Russian Federation. E-mail: Filippovav@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3900-918X

Введение

В статье делается попытка разработать модель языковой комфортности в городском пространстве, выявить факторы, определяющие качественный уровень языковой жизни в городе, обусловленной вариативностью городского населения по социальным, профессиональным, возрастным и этническим признакам.

Первая теоретическая часть статьи представляет концептуальное и методологическое обоснование модели языковой комфортности городского пространства, анализ и разработку новых методов исследования языкового пространства современного города. Вторая часть статьи предлагает практический анализ объективных факторов функционирования языков в городе в условиях активной урбанизации, языковой конкуренции или языковой монополии, наличия языкового конфликтного потенциала в полиэтничном городском пространстве, анализ языковых идеологий современного города, а также перспектив развития языков в городском пространстве.

Апробация данной методики проведена на примере анализа городского пространства города Якутска Республики Саха (Якутия). Данный субъект входит в состав Арктической зоны Российской Федерации. Город Якутск характеризуется как северный арктический город. Надо отметить, что в Арктической зоне России живет приблизительно 2,5 млн человек (1,7% всего населения России). Из них коренных малочисленных народов — примерно 7%. Плотность населения очень низкая, подавляющее большинство населения Севера — это не коренное население.

Выбор данного города обусловлен также тем, что в Якутске присутствует гетерогенность связей между его жителями, имеется градообразующая отрасль и определенный уровень занятости населения. Как раз эти параметры, как правило, определяют качественные черты городской культуры как образа жизни.

Якутск является территорией миграционного потока, где проживает большая доля прибывших на территорию России из стран ближнего зарубежья (Винокурова, Томаска, 2021: 180). У прибывших для работы по найму мигрантов не происходит интеграция с местным сообществом, за исключением семейных мигрантов, у которых дети обучаются в местных школах и в университете.

Практический анализ исследования основан на материалах полевого исследования, проведенного в г. Якутске в 2022–2023 гг. А. Н. Биткеевой, И. С. Хохоловой, Р. А. Даниловой и И. А. Даниловым. В нем приняли участие 220 информантов, жителей г. Якутска в возрасте от 18 до 25 лет, из них саха — 80% (из них билингвы, владеющие якутским и русским языками — 95,31%, монолингвы, владеющие только русским, — 4,69%), русские — 6,25%, буряты — 1,25%, эвены — 1,25%, эвенки — 1,25%, не указали (по паспорту, по языку, происхождением родителей) — 10%. Испытуемыми являлись молодые люди, так как именно они будут составлять активное ядро общества в ближайшие 30 лет.

Изучению языковой жизни современного города в условиях урбанизации посвящено немало исследований, аспекты которых разнообразны. Существуют довольно подробные обзоры исследований языка города, в частности, в российском научном дискурсе. В отечественной науке этой проблематикой начали заниматься уже в 1920-х гг. Лингвистическому изучению города посвящены работы Н. М. Каринского, А. А. Шахматова, Р. О. Шор, Б. А. Ларина, А. М. Селищева, В. М. Жирмунского и др. (Каринский, 1909; Шахматов, 1916; Шор, 1926; Ларин, 1928; Селищев, 1928; Жирмунский, 1936; и др.). Развитие темы исследования языка города в России начинается с социальной диалектологии в 1920-х гг., изучения устной разговорной речи как разновидности языка города, современного городского просторечия, городского жаргона в 1950–1960-х гг. и продолжилось анализом общих закономерностей функционирования языков города в последние десятилетия. В 2000-х гг. формируются направления урбанистики, появляются новые аспекты исследования языкового городского пространства как в интролингвистическом, так и в экстралингвистическом аспектах — языковой ландшафт, речевые практики горожан и т. д. (Юнаковская, 2011; Исмагилова, Майорова, 2019; и др.).

Данное исследование затрагивает социоллингвистический аспект изучения языка города — анализ языковой ситуации в городском пространстве, проблем языковой конкуренции / языковой монополии, социальной дифференциации языка города, городского моноязычия и многоязычия, анализ моделей конфликтного поведения в городской среде, языковой портрет горожанина. Еще одной важной задачей исследования является разработка новых методов, эффективных в исследовании языка / языков в городском пространстве.

Существует ряд методов, нацеленных на изучение языковых практик, языковых идеологий современного города, языкового ландшафта и т. д. Однако ввиду динамичности развития городского пространства, а также бурно развивающихся технологий, позволяющих усовершенствовать исследовательский процесс, актуальной является разработка новых методов исследования языковой комфортности в пространстве города.

Методика комплексного оценивания языковой комфортности городской среды включает создание модели языковой комфортности городского пространства. За основу берется многофакторная модель прогнозирования языкового развития А. Н. Биткеевой (см. подробнее: Биткеева, 2022). Однако относительно описания городского пространства для исследования приоритетными являются факторы, которые определяют качественный уровень языковой жизни в городе, обусловленной разнобразием языковой коммуникации города, многоаспектностью коммуникативных целей и стратегий, обеспечивающих комфортное общение во всех сферах городской жизни.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что оценивание языковой комфортности / некомфортности городской среды обуславливается многофакторной матрицей, включающей *внешние факторы* — географический (природно-климатический), исторический (историческая память), политический, идеологический, социально-экономический, пространственные параметры (показатели качества жизни, миграции, местоположение природных и социально значимых объектов) и *внутренние факторы* — демографический, функциональный коммуникативный, конфессиональный, этнокультурный, символический (идентичность), поведенческие компоненты, языковой ландшафт, речевые практики, языковые идеологии. Корреляции между указанными факторами определяют уровень языковой комфортности в городском пространстве, выражающейся в наличии или возможности языковой конкуренции / языковой монополии, языкового конфликтного потенциала и т. д.

Методы исследования

Как уже говорилось, одной из задач статьи является концептуальное и методологическое обоснование модели языковой комфортности городского пространства, разработка и апробация новых методов исследования языков города, в данном случае северного арктического города. Это основополагающая часть исследования, предпринятого в рамках проекта РФ «Урбанизация, языковое многообразие и/или языковая конкуренция в Арктической и Субарктической зоне РФ: новые вызовы и перспективы развития» (рук. А. Н. Биткеева). В рамках проекта вырабатывается универсальная модель языковой комфортности городского пространства, приложимая к любому городскому анклав, предполагающая исследование городской коммуникации (языков города). Данная модель позволяет осуществлять моделирование и прогнозирование развития языковой ситуации в условиях города в синхронной и диахронной перспективах. В качестве экспериментальных площадок исследования избраны большие и малые города Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа: Якутск, Мирный, Анадырь, Билибино. Выбор данных городов обусловлен тем, что они представляют собой разные не только по величине, плотности населения и гетерогенности связей между его жителями, но и различаются по характеру градообразующей отрасли и уровню занятости населения. Необходимо отметить, что величина, плотность населения и гетерогенность связей между его жителями определяют качественные черты городской культуры как образа жизни. Сегодня миграция широко распространена в России в силу различных факторов социально-экономического, гуманитарного, политического и климатического характера. Это влечет за собой серьезные изменения в образе жизни, вносит этносоциальное напряжение. Урбанизация же способствует переходу к городской культуре, ассимиляции с языком большинства и, соответственно, приводит к появлению множества социальных проблем для народов. Эти радикальные изменения в окружающем социокультурном контексте влияют не только на языки и культуры, но также на благополучие отдельного индивида и этнической группы, что и актуализирует исследование языковой комфортности в городе.

Предлагаемая многофакторная матрица оценивания языковой комфортности / некомфортности городской среды определяется в результате применения комплекса методов. Нами были отобраны и апробированы в ходе полевого исследования наиболее результативные в этом отношении методы, в их числе рассматриваемые далее методы языковой биографии и социального картографирования, методы ментальных карт и ассоциативного эксперимента, метод оценки конфликтного потенциала, ГИС-технологии.

Метод языковой биографии города. Анализ в рамках метода языковой биографии социальных групп горожан, которая включает универсальные параметры: исторический контекст (история и условия формирования городского сообщества, этнических групп, составляющих это сообщество, история сложения территории, на которой проживает группа; демографическая мощь этнических групп, составляющих общность горожан, демографическая мощь их языка / языков, распространение языка, тип расселения этнических групп в городе; миграционный аспект, стратегии урбанизации; коммуникативная мощь языка / языков (языковая компетенция носителей языка, сферы функционирования, степень стандартизации языка); символическая мощь языка (отношение к языку носителей, самоидентификация носителей), взаимоотношения большинства к меньшинству (внутригрупповые параметры идентичности и внешние параметры); политический блок (права и признание прав носителями языка, уровень и степень официального признания языка, идеологический контекст / условия, специальный статус территории / автономизация); география (географическая информация о распространении языка, территориальные особенности проживания групп, составляющих городское сообщество); религия (тип и сила связи между религией и языком, важность религии на данной территории); экономический фактор (экономическое состояние группы носителей языка, связь между языком и экономической мобильностью группы, экономическое состояние региона); технологический фактор (представленность группы и языка в СМИ, информированность широкой общественности о данной группе и др.).

Указанные факторы не в одинаковой степени оказывают влияние на развитие языковой ситуации, в одном случае основной причиной сдвига является экономический фактор, в другом — демографическая мощь и т. д. Определение специфики зависимостей в языковой биографии города — основная исследовательская задача.

Основным методом получения знаний о языковой биографии являются нарративные интервью, развернутые автобиографические повествования, центральной темой которых являются язык / языки, овладение ими и их использование, дополненное результатами наблюдений за речевым поведением индивидуума. Метод дает возможность из первых уст фиксировать изменения в языковом дискурсе, например, в отношении родного языка и т. д.

Метод лингвистического и социального картографирования. Благодаря общему интересу к возможностям географического проецирования данных ряда гуманитарных наук и поиску сопоставлений между различными явлениями методы картографирования стали находить применение в междисциплинарных исследованиях. По мнению исследователей, можно выделить два типа карт, связанных с языковыми представлениями: языковые и лингвистические (Коряков, 2020). Лингвистические карты (*linguistic maps*) показывают распространение языковых явлений с помощью точек, изоглосс или ареалов (как, например, в «Atlas Linguarum Fennicarum» или «Диалектологическом атласе карельского языка») (Зайцева, 2010). Географически они могут покрывать:

- один язык (скажем, на диалектологических картах);
- группу языков;
- целый регион¹;
- весь мир.

Собственно языковые карты (*language maps*) показывают распространение самих языков, их диалектов или языковую ситуацию.

Однако данные карты являются аналитическими, отображающими одно языковое явление или какую-либо его характеристику (одно свойство). Наше же исследование нацелено на моделирование и прогнозирование развития языковой ситуации в условиях города в синхронной перспективе, что требует составление комплексных (совмещенное изображение нескольких элементов), синтетических (целостное изображение объекта или явления в единых интегральных показателях) карт, а также карт взаимосвязей (передают степень и характер пространственных связей двух или нескольких явлений). Междисциплинарностью обладают социальные карты, выступающие надежным инструментом, с помощью которого можно вести исследования жизни современного общества, а интеграция многих

¹ См. напр.: Общеславянский лингвистический атлас : материалы и исслед., 1997–2000 : сб. науч. тр. / отв. ред.: В. В. Иванов. М., 2003. 365 с.; Atlas linguarum Europae (ALE) : Commentaires. Vol. I: Neuvième fascicule / ed. by N. Saramandu et al. Bucureşti : Editura Universităţii din Bucureşti, 2015. 1xxxvi, 273 p.

показателей диктует необходимость широкого применения методов математико-картографического моделирования, формирования баз данных и использования элементов экспертных систем¹. Выбор способа социального картографирования также обусловлен тем, что в данном исследовании использованы результаты анкетирования и показатели критериев комфортности / некомфортности в городской среде. Так, социальные карты помогают осуществить социальное оценивание, относительное ранжирование отдельных элементов структуры поселения (в нашем случае, по выявлению зон коммуникаций на разных языках, по социально-экономическим условиям жизни и т. п.) для определения степени языковой комфортности в городе.

При создании социальных карт выделяются три направления (подхода): социально-статистическое; социально-антропологические или ментальные карты; социально-сетевые. В своем исследовании мы применяем два первых направления (подхода). Социально-статистическое направление используется для анализа количественных данных на основании официальной статистики и результатов проведенных нами социологических исследований, для дифференциации пространственных и социальных границ городской среды, оценки и ранжирования элементов структуры городского поселения респондентами (в нашем случае — благополучные и неблагополучные районы города; район, где имеется пространственная диспропорция населения; центры города, по мнению респондентов: культурный, образовательный, исторический, промышленный, спальный и т. п.). Среди зарубежных работ по социальному картографированию с применением социально-статистического подхода следует упомянуть работы по оцениванию доходов горожан Ч. Бута «Жизнь и труд в Лондоне» (1897–1903 гг.) (Booth, 1897, 1903), по распределению иммигрантов и выявлению доходов семей на территории близ Халл-Хауса в Чикаго Дж. Адамса и ее соратников (1895)², по зонированию Чикаго Э. Берджесса (Burgess, 1925; см. также: Трубина, 2008: 241). В российской науке известна методика картографирования территории, предложенная Н. Б. Барбаш и Ю. А. Крючковым, по степени освоенности (количество и замкнутость зафиксированных маршрутов); конфигурации (траектория передвижений); центрированности (циклы передвижений); полезности (смысл, цель передвижений); экономичности (концентрация передвижений по отношению к территориальной единице); динамизму (виды передвижений); степени «социализации» (популярность тех или иных маршрутов) (Барбаш, Крючков, 1994).

Метод ментальных карт. Социально-антропологические или ментальные карты основаны на социально-антропологическом подходе, в отличие от социально-статистического здесь применяются методы этнографии, визуальной антропологии, урбанистики по изучению и отображению образа, в нашем случае города, его культурного пространства. Ментальное (мысленное) картографирование отличается от когнитивных карт (Sanders, Porter, 1974), хотя обе методики восходят к общему научному источнику (Tolman, 1948). Ментальные карты в бихевиористском аспекте на примере больших городов впервые упоминаются в работе американского исследователя К. Линча «Образ города» в 60-х гг. XX в. (Lynch, 1960). Перевод его монографии на русском языке появился в 1982 г. (Линч, 1982). Ментальная карта была применена исследователем для изучения ориентации человека в городских и разных культурных ландшафтах. Работа ученого представлена в комплексе психологических, социально-психологических и социальных проблем урбанистики. Впрочем, у Линча мы находим также образ города в метафорическом контексте. Он поднимает вопрос человеческого восприятия окружающей среды. Согласно Якобсону, ментальные карты являются инструментом изучения восприятия человеком окружающей среды и его поведения (Jacobson, 2006; Митин, 2017).

Первым из европейских исследователей, применивших метод ментальных карт в бихевиористском аспекте, был С. Милграм (Milgram, 1977), изучавший не географическую реальность, а ее отражение в умах горожан (Милграм, 2000): «Исследовательская традиция, восходящая к “Образу города” (1960 г.) К. Линча, пересекается с направлением социального картографирования, и все это происходит

¹ Прикладное картографирование: социально-экономические карты [Электронный ресурс]: уч. пос. / Т. В. Субботина, А. А. Лядова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Электронные данные. Пермь, 2021. 228 с.

² Hull-House maps and papers, a presentation of nationalities and wages in a congested district of Chicago, together with comments and essays on problems growing out of the social conditions / by residents of Hull-House, a social settlement at 335 South Halsted Street, Chicago, IL ; New York : T. Y. Crowell, 1895. viii, 230 p. См. также: Hull-House Maps and Papers [Электронный ресурс] // Hull-House Maps and Papers: Sociology in the Settlement. URL: http://teachspace.org/personal/research/addams/maps_and_papers.html (дата обращения: 20.05.2023).

на фоне растущей популярности разнообразных практик визуализации. В результате разноплановые методические решения подводятся под общее название «ментальные карты» (Веселкова, 2010: 6). Согласно Н. В. Веселковой, «ментальные карты — это исследовательский метод и одновременно продукт применения этого метода. Получаемые в итоге карты суть спровоцированные, или целевые (выполненные для целей проводимого исследования) документы. Как правило, их сопровождают интервью, групповое обсуждение, иногда задание по изображению местности включается в вопросник» (там же: 7). Основными критериями метода ментальных карт являются представления о местности; участником выступает информант. Веселкова отмечает, что «ментальные карты связаны с представлениями, но не являются их полным отпечатком», «говорят на языке города о жизненных ценностях, приоритетах, привычках своих создателей» (там же: 22), поскольку информантам предлагается чертить карты по памяти, на основе личного опыта. Таким образом, с помощью ментальных карт мы можем выявить восприятие индивидом города, его личностный опыт и поведение внутри общества.

Метод оценки языкового конфликтного потенциала. Городское пространство — социокультурное, конфессиональное и языковое пересечение, всегда есть возможность конфликтного потенциала, что также важно учитывать в целях обеспечения гармоничного межнационального фона, безопасности и т. д. В данном контексте может быть продуктивно применение методики измерения конфликтного потенциала в условиях города (см. подробнее: Биткеева, Кириленко, 2023). Данная методика строится на основе оценивания существующих рисков и степени уязвимости языкового сообщества, предполагает анализ предпосылок и причин возникновения языковых конфликтов в сообществах, а также стимулов и триггеров, провоцирующих их возникновение.

В методике исследуется взаимосвязь существующего недовольства среди членов языкового сообщества и вероятности появления конфликтных ситуаций. Форма методики измерения конфликтного потенциала может применяться для исследований возможности возникновения языкового конфликта среди говорящих любых языковых общностей посредством проведения анкетных опросов и экспертных интервью с дальнейшим анализом полученных параметров по разработанному алгоритму.

Метод ГИС-технологий. Системой, позволяющей соединять, анализировать и визуализировать результаты, полученные различными отраслями науки и производства, являются геоинформационные системы. ГИС — это программное обеспечение для сбора, обработки, анализа, представления и хранения пространственных данных, которое обеспечивает возможность работать с картой и данными, связанными с конкретными местами на ней. Данная система также помогает понять закономерности, взаимосвязи и географический контекст. Выбор данного метода позволяет сопоставить различные сферы жизнедеятельности этносов и функционирования языков в городах. ГИС-технологии дают возможность моделировать и прогнозировать различные явления, а также среди преимуществ данного метода можно указать улучшение взаимодействия и эффективности, а также повышение качества управления и принятия решений. Основной результативностью ГИС-технологий является визуализация полученных данных в виде картографических изображений, сочетающих различные тематические слои.

Преимущества использования ГИС-технологий в лингвистических исследованиях позволили выделить раздел лингвистики — лингвистическую географию, известную также как геолингвистика или лингвогеография. Суть его состоит в том, что все аспекты языков и языковых явлений рассматриваются в пространственном контексте с целью выявления взаимоотношений языка и геокультурной среды. Это обусловлено тем, что географические факторы исключительно важны для объяснения многих языковых явлений, генетических связей между языками и / или диалектами, выявления характера и скорости языковых изменений. Геолингвистика является междисциплинарной областью, инструментарий которой включает в себя составление языковых карт и атласов, фиксирующих пространственные закономерности локализации определенного языка, а также выявление хода и результата процессов, которые приводят к изменению языка. Соответственно, ГИС-технологии представляют собой один из самых эффективных инструментов геолингвистических исследований.

В основе *методики незаконченных предложений* лежит положение о том, что, отвечая на исходный неоднозначный и неопределенный стимул, испытуемый дает информацию, касающуюся его собственной личности, т. е. он проецирует свои особенности на свои ответы. В ходе работы по методике незаконченных предложений респондент может дать один или несколько ответов, т. е. дается сво-

Рис. 1. Модель языковой комфортности в городском пространстве

Fig. 1. Model of language comfort in urban space

бодный выбор ответов, не ограничивающий испытуемого, где нет оценивания правильного и неправильного ответа. Данная методика «представляет собой развитие теста словесных ассоциаций» (Кузькова, 2021: 130), предложенного впервые Ф. Гальтоном и развитого впоследствии К. Юнгом, А. Р. Лурия и др.

Впервые для изучения личности методика незаконченных предложений была применена А. Тендлером (Tendler, 1930). Как отмечает А. П. Пахомов, «разработанная А. Тендлером методика заканчивания предложений Tandler Sentence Completion Test основана на психодинамической теории личности, и, следовательно, основной ее направленностью стало более глубокое и подробное изучение эмоционального компонента личности пациента» (Пахомов, 2012: 102). Наиболее известны методики завершения предложений для психологических исследований, разработанные Дж. Роттером (Rotter, 1951) как скрининговый метод для выявления проблем адаптации у студентов колледжей и вузов, Дж. Саксом и С. Леви (Sacks, Levy, 1950) для изучения специфических кластеров аттитюдов человека или областей его жизни (страх, чувства вины и т. д.), А. Р. Роде (Rohde, 1957) для получения информации о глубинных неосознаваемых слоях потребностной сферы человека, Б. Р. Форером (Forer, 1960) для исследования аттитюдов и систем ценностей в широком диапазоне (желаний, межличностных отношений, эмоций). Также известно использование метода незаконченных предложений в социологических исследованиях (Block, 1973; Suzman, 1973; Ноэль, 1993; Климова, 1995; Ольшанский, 1997). А. В. Бурлов выявляет языковую структуру логики анализа данных, полученных с помощью метода незаконченных предложений, выявляет ключевые понятия для анализа данных: пирамиду обобщений, смысловое основание, многоэтапное кодирование, ядро и периферию образа, структурные показатели¹. В целом, сфера использования методики незаконченных предложений обширная. Ее применяют для выявления «проецирования» индивидом своих внутренних личностных особенностей вовне под воздействием этих стимулов (Пахомов, 2012), а также своего личностного опыта.

Методика комплексного оценивания языковой комфортности городской среды на примере Якутска

На основе применения вышерассмотренных методов нами предлагается методика комплексного оценивания языковой комфортности городской среды, модель которой представлена на рис. 1. Существуют отдельные исследования языковой ситуации в городской среде (см.: Várnai, Szeverényi,

¹ Бурлов А. В. Метод неоконченных предложений в социологии (стратегии использования и логика анализа данных) : дисс. ... к. соц. н. : 22.00.01. М., 2001. 179 с.

2022; и др.¹), в частности, проводились исследования городов Республики Саха Якутия, в том числе Якутска (см.: Былахырова, Собакина, 2022; Иванова, 2018), но исследования проблем языковой конкуренции / языковой монополии, городского моноязычия и многоязычия, анализ моделей конфликтного поведения в городской среде в рамках модели языковой комфортности не проводились.

На первом этапе исследования проводится сбор материалов по внешним факторам городской среды.

Якутск — многонациональный город, в котором по данным последней переписи 2020 г. проживают 194 национальности, из которых самыми многочисленными являлись: якуты (саха) — 59,2% и русские — 26,4%. На долю других национальностей приходилось: киргизы — 3,4%, эвенки — 1,9%, таджики — 1,7%, китайцы — 1,4%, армяне — 1,1 %, буряты и эвены — по 0,6%, украинцы — 0,5%, татары — 0,4%, юкагиры — 0,1%. По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) на 1 января 2023 г. численность населения городского округа «город Якутск» составила 378 549 чел., из них 95,4% проживают в самом Якутске, а 4,6% в сельских поселениях. Что касается относительных показателей жителей Якутска в общей численности населения Якутии, то здесь сосредоточено 38,0% всех якутян. А если смотреть долю Якутска в общей численности городского населения Республики Саха (Якутия), то она составляет 54,3%. Соответственно, г. Якутск представляет собой важный населенный пункт не только по функциональному значению, но и по концентрации большей части населения региона в нем².

Существование трех основных языковых групп (славянской, тюркской и тунгусо-манчжурской) предопределяет функционирование двух государственных (русский и якутский) и пяти официальных (эвенкийский, долганский, юкагирский, чукотский) языков³. В Республике Саха (Якутия) и ее столице г. Якутск характерно двуязычие с двумя сосуществующими государственными языками. Конституция Республики Саха (Якутия) гарантирует неограниченное развитие якутского и русского языков в статусе государственных и языков коренных малочисленных народов Крайнего Севера в статусе официальных⁴. Русский язык выполняет интеграционную функцию как государственный язык и как средство межэтнического общения в сфере государственного управления, социальной, экономической и культурной сферах. Это фактор гражданской консолидации и государственный символ, это средство общения не только между русскими и нерусскими, но и между представителями разных этнических групп. Выше названные официальные языки используются в школьном обучении, радиовещании, издании книг и СМИ. Среди более десяти других языков, имеющих более ограниченные социальные и коммуникативные функции, — татарский, башкирский, киргизский, украинский, тувинский, бурятский, азербайджанский, армянский и китайский.

Активная урбанизация арктических городов — это явление XX–XXI вв. Городское пространство северного города имеет свою специфику. При описании языковой биографии северного города значимы в первую очередь такие параметры, приоритетность которых определяется природно-климатическими условиями, историей, этнокультурным контекстом населения, экономическими и промышленными факторами, социальной инфраструктурой, государственной федеральной и региональной политикой (наличие концепций развития городов, паспорта и стратегии социально-экономического развития, инвестиционные планы и т. п.). Изучение данных показателей позволяет выявить внешние факторы по отношению к языку.

Географические (природно-климатические) и исторические условия играют один из определяющих факторов в формировании портрета жителей северного арктического города. Суровый арктический климат создает проблемы для развития городов региона, для которых характерно накопление человеческого капитала, социальная сплоченность, определенный уровень и качество жизни в суровых условиях арктической природной среды (см., например: Винокурова, 2017). Известно мнение —

¹ См. также: Исмагилова Н. В. Язык города Уфы: функционирование различных языковых подсистем и билингвизма: дисс. ... канд. филол. н. Уфа, 2007.

² Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/179476> (дата обращения: 20.05.2023).

³ Закон Республики Саха (Якутия) от 16 октября 1992 г. № 1170-ХП «О языках в Республике Саха (Якутия)» (с изменениями на 28 апреля 2022 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/804911252> (дата обращения: 20.05.2023).

⁴ Там же.

«Арктический народ несет печать зимы». Интегральная идентичность, характерная для городской идентичности в целом, в отношении арктических городов проявляется как понятие «северность». Северность — это универсализация, стирание границ, например, этнических или социальных. Здесь возникает понятие «северянин», собирательный образ жителя Севера (см.: Российская Арктика ... , 2016; Головнев, 2022; и др.).

Кроме того, как отмечают североведы, границы сообщества коренных жителей северного арктического города подвижны, поскольку приезжие более раннего времени постепенно становятся постоянным населением¹. В этом смысле определить точно статус городских жителей северного арктического города сложно, скорее всего он интерпретируется в рамках триады «коренное население — приезжие — местные». И в данном контексте исторический фактор играл и играет определяющую роль. В истории России на разных этапах развития страны государством были предприняты такие масштабные программы освоения северных арктических территорий, Сибири как БАМ, Севморпуть и др. В современных условиях оживленные миграционные потоки на этих территориях объясняются активной рабочей миграцией внутри страны, поскольку на арктической территории более высокие «северные» зарплаты (см.: Бадмаева, Натсак, 2021; и др.). В эти исторические периоды происходила рокировка населения северных арктических городов, именно по этой причине процесс превращения в этих городах приезжих в местных, а в прошлом и превращения приезжих в коренных происходит постоянно.

Социально-экономические, политические, пространственные компоненты

Языковое пространство арктического города напрямую зависит от традиционной северной экономики в арктических районах, которая имеет две стороны: с одной — активное промышленное освоение арктических регионов, с другой — сосуществование самобытного традиционного образа жизни северного аборигенного населения, которые вынуждены делать выбор между сохранением своей культуры, традиционной формы хозяйствования либо жизнедеятельностью в общероссийском формате. Наше исследование показало, что среди последних тенденций в городском пространстве — увеличение численности коренного населения региона в городах за счет внутрирегиональной миграции, хотя и с разной степенью интенсивности.

Активная промышленная миграция в Арктике приводит к серьезным изменениям в образе жизни населения, зачастую становится причиной этносоциального напряжения. Как показало наше исследование, имеет место процесс внутренней колонизации — заполнение социально важных позиций приезжим населением. Представители коренного населения, как правило, не занимают высокие позиции по причине недостаточного уровня образования, отсутствия стремления к развитию в социальном плане и т. д. Кроме того, в региональных дискуссиях все чаще возникает тема социальной ответственности. Здесь встает вопрос корпоративной языковой политики и в целом правового регулирования данной проблемы. Протестные акции аборигенов говорят о существующих противоречиях между традиционным и промышленным природопользованием. Аборигенные организации коренных малочисленных народов Севера требуют обеспечения права на предварительное, осознанное и добровольное согласие на осуществление промышленной деятельности в районах традиционного проживания и получение компенсации за нанесенный ущерб.

Очевидно, что урбанизация способствует переходу к городской культуре, ассимиляции с языком большинства и, соответственно, приводит к появлению множества социальных проблем для коренных народов. Эти радикальные изменения в окружающем социокультурном контексте влияют также на благополучие отдельного индивида и этнической группы.

Как отмечают исследователи, общины коренных народов имеют значительное присутствие в арктическом регионе и могут влиять на развитие расположенных там городов (Российская Арктика ... , 2016). Интеграция этих сообществ в экономическую, социальную и культурную структуру города может привести к более инклюзивному и устойчивому развитию. Как правило, в городе эти этнические группы проживают компактно, что способствует некоторой культурной автономии и позволяет им сохранять

¹ Вахтин Н. Б. Север, Арктика и Сибирь — что это такое и кто там живет? Расшифровка эпизода [Электронный ресурс] // Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/materials/1828> (дата обращения: 20.05.2023).

характерные для них элементы быта и культуры. Однако имеет место территориальная специфика, связанная с социально-экономическими условиями жизни. Так, в городе Анадырь Чукотского автономного округа в ходе полевых работ 2023 г. была выявлена проблема обеспечения жильем, поскольку новые дома не строятся по причине сложного характера проведения строительных работ в условиях вечной мерзлоты, а главное — труднодоступности региона и вытекающей проблематичности доставки строительных и других материалов. Соответственно, представители одной этнической группы расселяются дисперсно.

Распределение жителей Якутска по этническому признаку ранее зависело от расположения градообразующих предприятий. Районы аэропорта, речного порта, рабочего городка, ГРЭС и т. п. характеризовались преобладанием русских, что было обусловлено миграцией квалифицированных кадров из-за пределов республики для кадрового обеспечения данных предприятий. Район Сайсар, а в настоящее время микрорайоны Сатал и Тускул в большей части населяют коренные народы — выходцы с улусов (районов), которые проживают в деревянных домах. Это один из способов адаптации к городской среде — когда живешь в привычном жилье, но в пределах города.

Государственная федеральная политика, инициативы правительства играют решающую роль в развитии арктических городов. Например, государственная поддержка Северного морского пути привела к развитию инфраструктуры и повышению экономической активности в арктических городах¹.

Второй этап исследования комплексного оценивания языковой комфортности / дискомфорта городской среды направлен на выявление локальных внутренних параметров и внутригородской языковой дифференциации. Данный этап включает проведение анкетирования и обработку, анализ и синтез полученных данных. На этом этапе рассматриваются внутренние факторы — языковые, коммуникативные, поведенческие компоненты. Эту информацию можно получить посредством анкетирования и составления ментальных карт, ассоциативный эксперимент и сбор статистических данных.

Исходя из цели и гипотезы исследования нами разработана комплексная методика, включающая:

1) Социальное картографирование с применением:

а) ментальной карты, содержащей задание нарисовать схему-карту, место в городе, где респондент себя чувствует комфортно и некомфортно в плане коммуникации;

б) фотографии карты города и задания указать на карте города:

— густонаселенный район и район, где имеется пространственная диспропорция;

— район или районы социальной напряженности; зоны, где коммуникация ведется на русском языке, на родном языке, на различных языках, в том числе на миноритарных.

С помощью таких социальных карт могут быть визуализированы и графически отображены социолингвистические и эмоционально-поведенческие реальности, социально-коммуникативный пространственный (символический) опыт, социальные взаимоотношения, авто- и гетеростереотипы испытуемых-индивидов в условиях городской среды, а тем самым уровни языковой комфортности / дискомфорта городской среды. Анализ ментальных карт, работ с фотографиями, рисунками городской карты, представленных испытуемыми, позволяют изучить особенности их восприятия и освоения жизненного городского пространства, а их интеграция с ГИС позволяют виртуальное «прочтение» языковой комфортности / дискомфорта городской среды.

2) Опросник, включающий ряд вопросов по 2а. методу направленного ассоциативного эксперимента и по 2б. методу незаконченных предложений, направленный на внутреннее «прочтение» комфортности / дискомфорта в городской среде, т. е. какие факторы или критерии влияют на ту или иную совокупность условий, состояния:

а) по методу направленного ассоциативного эксперимента нами были разработаны серии направляющих вопросов: «Каким словом можно описать образ Арктики? «Каким словом можно описать образ России?», «Каким словом можно описать образ Якутии?» или «Назовите символы России», «Назовите символы Якутска». Мы можем отметить, что направленный ассоциативный эксперимент

¹ Правительство расширило план развития Северного морского пути [Электронный ресурс] // Правительство России. 2023. 2 мая. URL: <http://government.ru/docs/48389/> (дата обращения: 20.05.2023).

может выйти за рамки предоставления одного или сочетания слова-стимула испытуемому и включить полноценный уточняющий направленный вопрос для выявления ассоциативных связей исследуемого объекта с содержаниями сознания индивида (ощущениями, представлениями, мыслями, чувствами и т. п.). Например, «Какие районы города вы можете выделить:

- как культурный центр;
- как социально-стабильный район;
- как центр рынка труда;

— как узел межэтнического общения?»; и т. д. Подобные уточняющие, направленные вопросы могут аккумулировать некоторую сумму накопленных знаний о связях между предметами и явлениями, которые закреплены личностным опытом испытуемого и «овнешняются» в языке.

б) по методу незаконченных предложений испытуемым предлагалось закончить предложения; например, «Север — это...», «Арктика — это...», «Урбанизация — это...», «Городской житель — это...» и др., направленные на выявление идентичности северного города.

Задание по методике незаконченных предложений «Мне комфортно, в городе, где...» / «Мне некомфортно, в городе, где...» предполагает выявление определенной классификации критериев оценивания комфортности / некомфортности в городской среде. Задание по методике незаконченных предложений («Мне комфортно находиться с представителями других этносов, как _____ Что на это влияет? / Мне не комфортно находиться с представителями других этносов, как _____ Что на это влияет?») направлено на данном этапе исследования на выявление вероятных конфликтногенных зон в условиях полиязычной межкультурной коммуникации, а также позволит раскрыть их внутреннее содержание, какими факторами могут быть вызваны конфликтногенные зоны. Полученные ответы испытуемых по двум данным заданиям сгенерированы по принципу методики семантического гештальта (Караулов, 2000).

Третий этап исследования включает отображение результатов исследования первого и второго этапа работ с применением ГИС-технологий. Данный этап начинается с ввода статистических данных (социально-экономических, демографических, сведений переписей населения об этническом составе и языковой ситуации и т. п.) и количественных результатов социологического опроса; растровых изображений (ментальных карт) в атрибутивные сведения ГИС. Далее проводится систематизация внесенных данных на показатели внешних и внутренних факторов. Для выявления комфортности / некомфортности показатели внешних и внутренних факторов были разделены на положительные и отрицательные. Комфортность и некомфортность среды проживания проводится на основе интегральной оценки показателей внешних и внутренних факторов.

На основе анализа обширных данных, введенных в базу данных ГИС, осуществляется визуализация результатов исследования, нацеленная на выявление языковой комфортности и некомфортности городской среды по наложению тематических слоев, отображающих комфортность среды проживания по социально-экономическим показателям, и зон коммуникаций на языках.

Предложенная методика комплексной оценки языковой комфортности городской среды с использованием ГИС-технологий включает представление данных о городах-объектах исследования на основе одного цифрового решения и базы данных, обеспечивающих сопряженный анализ социально-экономических показателей, пространственной информации и опросных данных в целях территориального управления и планирования.

Результаты исследования и их визуальное отображение

Комплексная оценка языковой комфортности / некомфортности городской среды основана на лингвистическом, географическом и геоинформационном анализе собранного материала и позволяет выделить зоны языковой комфортности / некомфортности в городах, в нашем случае в Якутске.

На рис. 2 и 3 представлены результаты анализа и визуализации комплексной оценки показателей внешних и внутренних факторов, проведенного социологического опроса и ментальных карт, составленных респондентами. На основе комплексной оценки выявлены комфортные / некомфортные зоны внутри г. Якутска. Карты отображают зоны коммуникаций на языках (родном, русском и иных) и их сочетание с внешними и внутренними (суб)факторами.

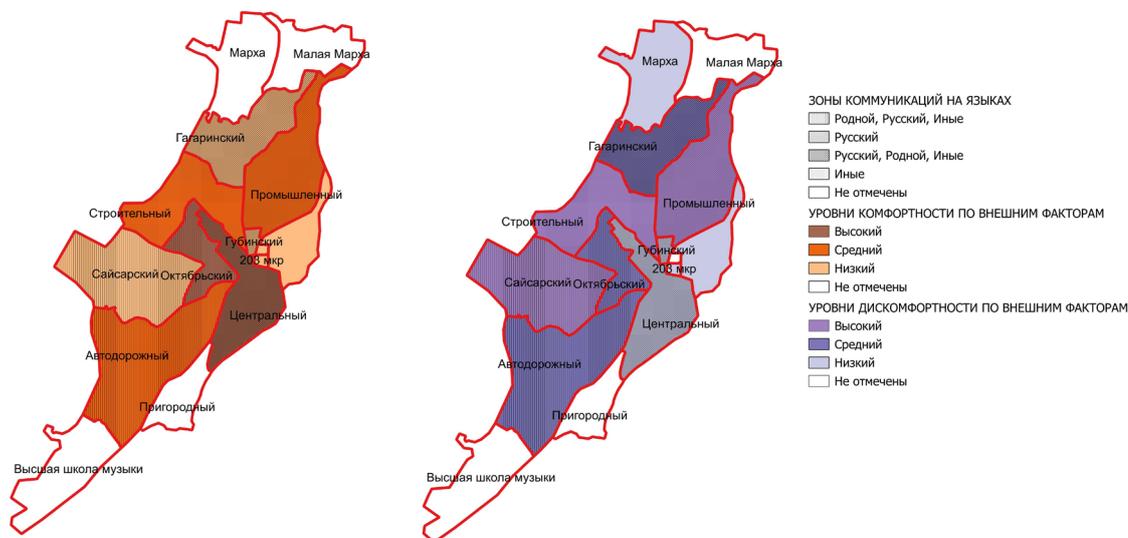

Рис. 2 Зоны языковой комфортности для населения г. Якутска согласно внешним факторам, 2023 г.
 Fig. 2 Zones of language comfort for the population of Yakutsk according to external factors, 2023

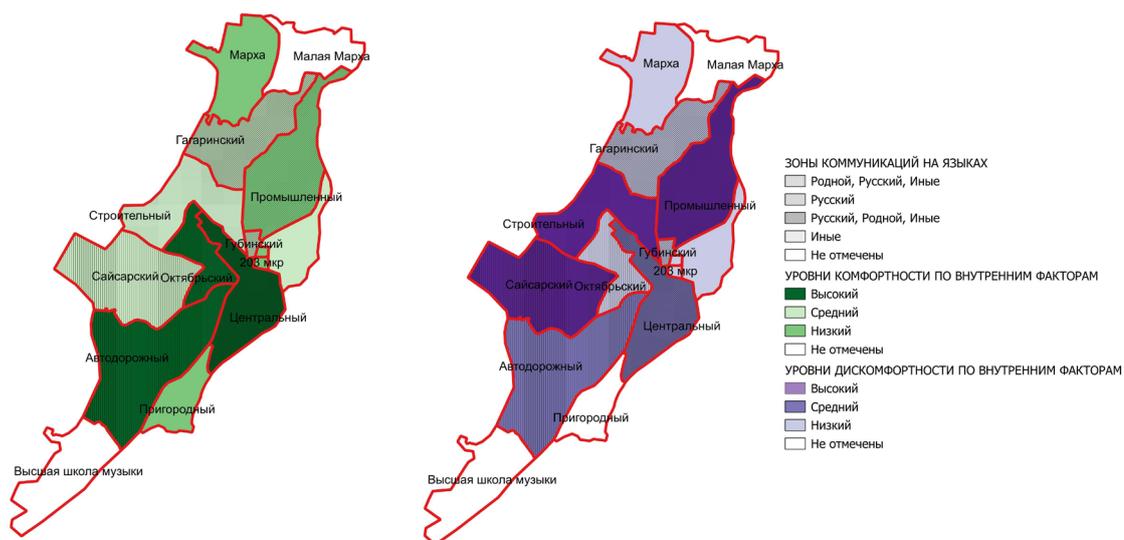

Рис. 3. Зоны комфортности для населения г. Якутска согласно внутренним факторам, 2023 г.
 Fig. 3. Comfort zones for the population of Yakutsk according to internal factors, 2023

В целом, большинство испытуемых выбирают комфортными зонами в Якутске:

- а) центральные районы города, центральный округ, проспект Ленина;
- б) зону студенческого городка, район студенческого городка, т. е. Октябрьский округ, пересечение улиц Каландаришвили и Ойунского, района Залог с озером Талое;
- в) Губинский округ с набережной зоной – новые жилые микрорайоны 202–203;
- г) район, где проживает сам испытуемый (дома).

Некомфортными испытуемые указывают:

- а) периферийные районы – Сайсарский, Строительный, Гагаринский округа (аэропорт), Марха, окраина города, пригород;
- б) зоны рынков – Строительный, ул. Жорницкого, Столичный;
- в) промышленные районы – ГРЭС, Авиалиния, ДСК.

Выделение комфортных зон, вероятно, на первый взгляд вызвано стереотипными представлениями о том, что центр или «юг» — это «хорошо», а периферия или «север» — это «плохо», но внутреннее «прочтение» с дополнительным опросником по методу незаконченных предложений среди испытуемых показывает, что на коммуникативную среду влияет окружение и в целом обстановка социально-экономического благополучия. Например, Центральный округ испытуемыми выделен как культурный, исторический, социально-стабильный район, и как центр торговли и рынка труда, где коммуникация реализуется на различных языках, преимущественно на русском и в том числе на родном (якутском) языках. Октябрьский округ и студенческий городок, СВФУ (Северо-Восточный федеральный университет), Точка кипения, кампус СВФУ, учебные корпуса университета — КФЕН (корпус факультета естественных наук), ГУК (главный учебный корпус), УЛК (учебно-лабораторный корпус), относящиеся к Октябрьскому округу, а также район IT-парка обозначены испытуемыми как образовательный центр и узел межэтнического общения, где коммуникация реализуется на родном и различных языках, в том числе на миноритарных языках (рис. 1). В выделенных испытуемыми некомфортных зонах, отмеченных как районы социальной напряженности, в качестве неблагополучных районов с высоким уровнем преступности выделяют Сайсарский и 17-й квартал, как промышленный и неблагополучный район — Строительный и Гагаринский округа, с районом Столичного рынка, отмеченного как район мигрантов, где коммуникация ведется на русском, родном (якутском) и миноритарных языках.

Следовательно, комфортность коммуникации среди студенческой молодежи в возрасте 18–25 лет зависит не от того, на каком языке говорит окружение, а от социально-экономического благополучия района города в целом. Такая тенденция у молодежи может быть вызвана уровнем урбанизации, что напрямую связано с социально-экономическим развитием города или ролью городского образа жизни и культурной глобализацией, где формируется культурное многообразие и возможно развитие гибридных форм культур или унификации локальных сообществ. Такие выводы подтверждаются результатами нашего комплексного исследования, в ходе которого испытуемым были предложены задания завершить предложения «Мне комфортно, в городе, где...»/«Мне некомфортно, в городе, где...». Комфортность и некомфортность в городе у испытуемых определяются следующими критериями:

1) «Инфраструктура» (36,25%) — выделяются зоны удобства для жизни (25%), некомфортность определена отсутствием удобств (11,25%);

2) «Плотность населения» (31,25%) — испытуемым комфортно там, где низкая плотность населения (15%), что определяет спокойствие, отсутствие шума, и некомфортно, где высокая плотность населения (23,5%);

3) «Безопасность» (28,75%) — испытуемым комфортно в городе, где безопасно (11,25%) и некомфортно, где небезопасно (17,5%);

4) «Экосистема» (22,5%) — испытуемым комфортно (12,5%) там, где чисто, зелено, чистый воздух и др., (10 %) некомфортно, где грязно, пыльно, нет озеленения и др.;

5) «Определенное пространство в городе» (16,44%) — испытуемым комфортно (8,75%) в «центре города» и некомфортно (11,25%), где «неблагополучный район», «есть неразвитые районы, типа трущоб», «неизвестные районы города», «17 квартал, Автодорожный округ», «район автовокзала», «в окраинах»;

6) «Этносы, языки» (10%) — испытуемым (5%) комфортно, где моноэтническое окружение, испытуемым (5%) некомфортно, где «много иностранцев», «не говорят на моем родном языке», «одна культура»;

7) «Культура и адекватность поведения» (8,75%) — испытуемым (2,5%) комфортно, где «живут студенты в городе», некомфортно (6,25%), где «есть неадекватные люди», «есть некультурные люди», «опасные люди ходят по улицам»;

8) «Дом» (6,25%) — для испытуемых комфортно «дома» (3,75%), «где-нибудь на природе или дома», «есть родные» и для 2,5% испытуемых некомфортно, где «я» и «нет родных»;

9) «Другое» (2,5%) — следующие реакции: «который изолирован от остального мира» и «комфортно» в некомфортности в городской среде.

В целом, на предложение закончить фразу «Мне комфортно в городе, где...» мы получили ответы от 87,5% испытуемых и отказы от 12,5%. В предложении «Мне некомфортно в городе, где...» получили чуть меньше ответов (82,5%) и чуть больше отказов (17,5%).

По результатам ответов на следующее задание по методике незаконченных предложений «Мне комфортно / не комфортно находиться с представителями других этносов, как _____ Что на это влияет?», мы получили, во-первых, от половины испытуемых (53,75%) отрицание того, что присутствие другого этноса не влияет на комфортность / некомфортность, во-вторых, 22,5% испытуемых отмечают, что дискомфорт может быть вызван «непониманием» других этносов ввиду незнания языка, культуры, различий в менталитетах, и в-третьих, 16,5% испытуемые испытывают комфорт среди «своих» в межэтническом общении между русскими и коренными народами Севера внутри региона — добрососедство, взаимопонимание языка и культуры, обучение и др. Испытуемым (10%) некомфортно с «чужими», как видно из ответов об отношении к приезжим, мигрантам, ввиду другой религии, экономических соображений и позиции безопасности по отношению мужчин мигрантов к женщинам локальных этнических сообществ. При этом, на вопрос «Мне комфортно находиться с представителями других этносов, как _____ Что на это влияет?» получены отказы у 41,25% испытуемых, на вопрос «Мне некомфортно находиться с представителями других этносов, как _____ Что на это влияет?» отказались ответить 37,5% испытуемых.

Существующие и / или потенциальные конфликтогенные зоны у испытуемых по отношению к мигрантам, приезжим из ближнего зарубежья связаны, прежде всего, с незнанием языка, культуры и менталитета, что вызывает непонимание, недоверие и страх. Непонимание других народов (славянских, китайцев, арабов, британцев, американцев, афганцев, иранцев, египтян, цыган) может быть из-за различий в менталитетах, в образе жизни, истории, незнания иностранного языка, непонимания речи. В целом это вызвано дифференциацией в языке и культуре (религии), географическими, религиозными, политическими факторами, возможно, дискретным характером саха.

Заключение

Рассмотренная методика анализа языкового пространства города универсальна и в целом преимущественно предложенной методики заключаются в визуализации социолингвистической ситуации городской среды и совокупности коллективных представлений об образе пространства, местности (района). С помощью данной методики мы можем оценить и прогнозировать социолингвистическую ситуацию в динамике как промежуточное исследование и далее следовать стратегически, работать в фокус-группах для выявления роли глокальной культуры в процессах сохранения или утраты идентичности в условиях урбанизации и шире глобализации, а также по определенным направлениям, например, изучение межэтнических контактов с помощью проведения глубинных интервью.

В условиях города наблюдается языковая монополия в пользу доминирующего языка. Это не способствует сохранности традиционной культуры. Вполне понятно, что для городского пространства характерен языковой сдвиг. Одним из влияющих на него факторов являются миграции и урбанизация. В российских арктических промышленных городах один победитель — русский язык. Тем не менее предварительные наблюдения показывают, что современное городское сообщество сохраняет определенную гомогенность и внутренние связи, дающие возможность сохранности и передачи определенных внутрисемейных и общинных традиций.

Перспективно провести подобное исследование на материале города Кызыла (Республика Тыва), поскольку среди российских городов гомогенность этнокультурной традиции особенно характерна для Кызыла и в целом для Тувы. Однако при кажущейся пока благополучности тувинского языка и высоком уровне языковой компетенции на родном языке отмечается начальная стадия языкового сдвига у тувинцев, особенно среди городского населения. Как показало наше исследование тувинцев Кызыла в 2021 г., очевиден сдвиг в языковой лояльности, выраженной изменениями языкового поведения и увеличением доли тувинцев, не владеющих свободно родным языком, при сохранении «правильных» языковых убеждений по отношению к родному языку (см.: Биткеева, Цыбенова, 2022). Кроме того, работы с применением новых методов исследования города — социального картографирования городского пространства, ГИС-технологий высветили бы новые аспекты исследования городского пространства Кызыла и разнообразили бы научный арсенал тувинистов.

В современных кризисных условиях усиливающееся неравенство в сфере экономики, доступа к социальным ресурсам городов провоцируют конкурентный режим взаимодействия проживающих в них этнических групп. В этой связи актуальной научной проблемой становится моделирование языковых процессов и прогнозирование их развития. Междисциплинарные исследования в русле

урбанистики позволяют не только осмыслить и адекватно описать многие этносоциальные процессы и явления, но и изучить специфику разнообразной гетерогенной среды в городах РФ.

Предложенная модель языковой комфортности в городском пространстве является эмпирически обусловленной и универсальной моделью, выработанной на основе комплексной оценки внешних и внутренних факторов, и может быть применена при разноуровневых исследованиях: при исследовании одного города (как в данной статье), так и сопоставительных исследованиях нескольких городов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Барбаш, Н. Б., Крючков, Ю. А. (1994) Социальное картографирование как способ пространственной организации данных о социально-территориальной дифференциации состава и качества жизни населения // Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / отв. ред. Т. М. Дридзе. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука. 304 с. С. 115–129.

Биткеева, А. Н. (2022) Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России // Новые исследования Тувы, № 4. С. 38–52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.3>

Биткеева, А. Н., Кириленко, С. В. (2023) Методы измерения языкового конфликтного потенциала // Вестник Волгоградского государственного университета. № 4. (В печати).

Биткеева, А. Н., Цыбенова, Ч. С. (2022) Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Былахырова, Л. В., Собакина, И. В. (2022) Взаимовлияния якутского и русского языков на территории города Вилюйска Республики Саха (Якутия) // Алтаистика. № 2 (5). С. 37–48.

Веселкова, Н. В. (2010) Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология 4М). № 31. С. 5–29.

Виноградова, О. Е. (2013) Направленный ассоциативный эксперимент в описании семантики слова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 161. С. 66–73.

Винокурова, Д. М., Томаска, А. Г. (2021) Внутренняя и внешняя миграция в Республике Саха (Якутия): отношение студенческой молодежи // Власть и управление на Востоке России. № 1 (94). С. 177–187. DOI: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-177-187>

Винокурова, У. А. (2017) Якутские ценности в начале XXI века // Новые исследования Тувы. № 3. С. 84–99. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.5>

Головнев, А. В. (2022) Северность России. СПб. : МАЭ РАН. 450 с.

Жирмунский, В. М. (1936) Национальный язык и социальные диалекты. Л. : Гослитиздат. 297, [2] с.

Зайцева, Н. Г. (2010) Прибалтийско-финские языки в зеркале лингвистической географии // Труды Карельского научного центра РАН. № 4. С. 34–47.

Иванова, Н. И. (2018) Языковые установки саха в сфере образования в контексте современных экстралингвистических реалий (по материалам опросов в г. Якутске) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 153–167. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.13>

Исмагилова, Н. В., Майорова, О. А. (2019) Язык города как социолингвистическая проблема: перспективы изучения // Вестник Башкирского университета. Т. 24, № 4. С. 900–909. DOI: <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2019.4.23>

Караулов, Ю. Н. (2000) Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 191–206.

Каринский, Н. М. (1909) Язык Пскова и его области в XV веке. СПб. : Тип. М. А. Александрова. VIII, 207, [2] с.

Климова, С. Г. (1995) Опыт использования методики неоконченных предложений в социологическом исследовании // Социология: методология, методы, математические модели (Социология 4М). № 5–6. С. 49–64.

Коряков, Ю. Б. (2020) Картографирование уральских языков // Acta Linguistica Petropolitana. Т. 16. № 3. С. 169–183. DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573716308>

Куськова, Д. В. (2021) Качественные методы в психолого-педагогических исследованиях [Электронный ресурс] // Актуальные исследования. № 16 (43). С. 128–131. URL: <https://apni.ru/article/2254-kachestvennie-metodi-v-psikhologo-pedagogich> (дата обращения: 20.05.2023).

Ларин, Б. А. (1928) О лингвистическом изучении города // Русская речь : сб. ст. / под ред. Л. В. Щербы. Вып. 3. Л. : Academia. С. 61–74.

Линч, К. (1982) Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева ; сост. А. В. Иконников ; под ред. А. В. Иконникова. М. : Стройиздат. 328 с.

Милграм, С. (2000) Эксперимент в социальной психологии / пер. с англ. Н. Ю. Вахтиной и др. СПб. : Питер. 336 с.

Митин, И. И. (2017) Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики. Т. 2. № 3 (8). С. 64–79.

Ноэль, Э. (1993) Массовые опросы: введение в методiku демоскопии / пер. с нем. ; общ. ред., вступ. и заключ. ст. Н. С. Мансурова. 2-е изд. М. : АВА-ЭСТРА. 274 с.

Ольшанский, В. Б. (1997) Становление метода неоконченных предложений в Советском Союзе 70-х гг. // Социология: методология, методы, математические модели (Социология: 4М). № 9. С. 82–97.

Пахомов, А. П. (2012) Методика «Незаконченные предложения» Сакса-Леви как учебное пособие // Экспериментальная психология. Т. 5, № 4. С. 99–116.

Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2007) Когнитивная лингвистика. М. : АСТ ; Восток — Запад. 314, [6] с.

Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение (2016) / под. ред. В. А. Тишкова. М. ; СПб. : Нестор-История. 272 с.

Селищев, А. М. (1928) Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). Изд. 2-е. М. : Работник просвещения. 248 с.

Трубина, Е. Г. (2008) Урбанистическая теория : учеб. пособ. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 323, [1] с.

Шахматов, А. А. (1916) Введение в курс истории русского языка. Ч. 1: Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг. : Изд. Студенческого издательского комитета при историко-филологическом факультете Петроградского университета. [2], 146, II, [1] с.

Шор, Р. О. (1926) Язык и общество. 2-е изд. М. : Работник просвещения. 152 с.

Юнаковская, А. А. (2011) «Язык города» как лингвистическая проблема // Вестник Омского университета. № 3 (61). С. 193–197.

Block, J. H. (1973) Conceptions of sex role: Some cross-cultural and longitudinal perspectives // American Psychologist. Vol. 28. No. 6. P. 512–526. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0035094>

Booth, Ch. (1897) Life and labour of the people in London. London : Macmillan & Co., Ltd ; New York : The Macmillan Co. Vol. 9. viii, 455 p.

Booth, Ch. (1903) Life and labour of the people in London. London : Macmillan & Co., Ltd ; New York : The Macmillan Co. Vol. 17 (final). xv, 451 p.

Burgess, E. W. (1925) The growth of the city: An introduction to a research project // The city / ed. by R. E. Park, E. W. Burgess, R. D. McKenzie. Chicago, IL : University of Chicago Press. x, 239 p. P. 47–62.

Forer, B. R. (1960) Word association and sentence completion methods // Projective techniques with children / ed. by A. I. Rabin, M. R. Haworth. N. Y. ; London : Grune & Stratton. xiii, 392 p. P. 210–224.

Jacobson, D. (2006) Mental maps // Encyclopedia of Human Geography / ed. by B. Warf. Thousand Oaks, CA ; London ; New Delhi : SAGE Publications. xxviii, 616 p. Pp. 299–301.

Lynch, K. (1960) The image of the city. Cambridge, MA ; London : The Technology Press ; Harvard University Press. vii, 194 p.

Milgram, S. (1977) The individual in a social world: Essays and experiments. Reading, MA : Addison-Wesley Publishing Company. x, 373 p.

Rohde, A. R. (1957) The sentence completion method: Its diagnostic and clinical application to mental disorders. N. Y. : Roland Press. xii, 301 p.

Rotter, J. B. (1951) Word association and sentence completion methods // An introduction to projective techniques & other devices for understanding the dynamics of human behavior / ed. by H. H. Anderson, G. L. Anderson. N. Y. : Prentice-Hall, Inc. xxiv, 720 p. P. 279–311.

Sacks, J. M., Levy, S. (1950) The sentence completion test // *Projective psychology: Clinical approaches to the total personality* / ed. by L. E. Abt, L. Bellak. N. Y. : Alfred A. Knopf, Inc. 485 p. P. 357–402.

Sanders, R. A., Porter, P. W. (1974) Shape in revealed mental maps // *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 64. No. 2. P. 258–267.

Suzman, R. M. (1973) Psychological modernity // *International Journal of Comparative Sociology*. Vol. 14. Issue 3–4. P. 273–287. DOI: <https://doi.org/10.1177/002071527301400307>

Tendler, A. D. (1930) A preliminary report on a test for emotional insight // *Journal of Applied Psychology*. Vol. 14. No. 2. P. 122–136. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0076066>

Tolman, E. C. (1948) Cognitive maps in rats and men // *The Psychological Review*. Vol. 55. No. 4. P. 189–208. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0061626>

Várnai, Z., Szeverényi, S. (2022) Identity and language in an Arctic city: The case of the indigenous peoples in Dudinka // *Ежегодник финно-угорских исследований*. Т. 16, № 4. С. 701–720. DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-4-701-720>

Дата поступления: 25.05.2023 г.

Дата принятия: 30.06.2023 г.

REFERENCES

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Sovremennaiia trudovaia migratsiia iz Kalmykii i Tuvy: ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i gendernye aspekty [Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, socio-cultural and gender aspects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Barbash, N. B. and Kriuchkov, Yu. A. (1994) Sotsial'noe kartografirovaniie kak sposob prostranstvennoi organizatsii dannyykh o sotsial'no-territorial'noi differentsiatsii sostava i kachestva zhizni naseleniia [Social cartography as a mode of spatial arrangement of data on socially-territorial differentiation of the structure and the quality of life of population]. In: *Prognoznoe sotsial'noe proektirovaniie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy [Forecasting social projection: Theoretical and methodological problems]* / ed. by T. M. Dridze. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, Nauka. 304 p. Pp. 115–129. (In Russ.).

Bitkeeva, A. N. (2022) Model' sotsiolingvistikheskogo prognozirovaniia i aktual'nye tendentsii iazykovoi politiki v regionakh Rossii [Model of sociolinguistic forecasting and the current trends of language policy in the regions of Russia]. *The New Research of Tuva*, no. 4, pp. 38–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.3>

Bitkeeva, A. N. and Kirilenko, S. V. (2023) Metody izmereniia iazykovogo konfliktogennogo potentsiala [Methods for estimating the language conflict potential]. *Vestnik Volgogradskogo gosuniversiteta*, no. 4. (Forthcoming). (In Russ.).

Bitkeeva, A. N. and Tsybenova, Ch. S. (2022) Khronika iazykovogo sdviga v tuvinskom iazyke v Respublike Tyva [Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Bylakhayrova, L. V. and Sobakina, I. V. (2022) Vzaimovlianiia iakutskogo i russkogo iazykov na territorii goroda Viliuiska Respubliki Sakha (Iakutiia) [Mutual influences of the Yakut and Russian languages on the territory of the city of Vilyuysk of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Altaistika*, no. 2 (5), pp. 37–48. (In Russ.).

Veselkova, N. V. (2010) Mental'nye karty goroda: voprosy metodologii i praktika ispol'zovaniia [Mental maps of the city: Issues of methodology and practice of using]. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*, no. 31, pp. 5–29. (In Russ.).

Vinogradova, O. E. (2013) Napravlennyi assotsiativnyi eksperiment v opisani semantiki slova [Directed associative experiment for describing word semantics]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 161, pp. 66–73. (In Russ.).

Vinokurova, D. M. and Tomaska, A. G. (2021) Vnutrenniaia i vneshniaia migratsiia v Respublike Sakha (Iakutiia): otnoshenie studencheskoi molodezhi [Internal and external migration in the Republic of Sakha (Yakutia): The attitude of student youth]. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 1 (94), pp. 177–187. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-177-187>

Vinokurova, U. A. (2017) Iakutskie tsennosti v nachale XXI veka [Yakut values at the beginning of the 21st century]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 84–99. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.5>

Golovnev, A. V. (2022) *Severnost' Rossii [Northness of Russia]*. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS. 450 p. (In Russ.).

Zhirmunsky, V. M. (1936) *Natsional'nyi iazyk i sotsial'nye dialekty* [National language and social dialects]. Leningrad, Goslitizdat. 297, [2] p. (In Russ.).

Zaitseva, N. G. (2010) Pribaltiisko-finskie iazyki v zerkale lingvisticheskoi geografii [Balto-Fennic languages as mirrored by linguistic geography]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 4, pp. 34–47. (In Russ.).

Ivanova, N. I. (2018) Iazykovye ustanovki sakha v sfere obrazovaniia v kontekste sovremennykh ekstralingvisticheskikh realii (po materialam oprosov v g. Iakutske) [Lingual disposition of Sakha in education in context of modern extralinguistic realities (based on polls in Yakutsk)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 153–167. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.13>

Ismagilova, N. V. and Mayorova, O. A. (2019) Iazyk goroda kak sotsiolingvisticheskaia problema: perspektivy izucheniia [City language as a sociolinguistic problem: Study prospects]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 24, no. 4, pp. 900–909. DOI: <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2019.4.23>

Karaulov, Yu. N. (2000) Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noi seti [Indicators of national mentality in the associative-verbal network]. In: *Iazykovoe soznanie i obraz mira* [Language consciousness and the image of the world]: A collection of articles / ed. by N. V. Ufimtseva. Moscow, Institute of Linguistics of the RAS. Pp. 191–206. (In Russ.).

Karinskii, N. M. (1909) *Iazyk Pskova i ego oblasti v XV veke* [The language of Pskov and its region in the 15th century]. St. Petersburg: Printing House of M. A. Aleksandrov. viii, 207, [2] p. (In Russ.).

Klimova, S. G. (1995) Opyt ispol'zovaniia metodiki neokonchennykh predlozhenii v sotsiologicheskom issledovanii [An experience of using the technique of unfinished sentences in a sociological study]. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Models (Sociology: 4M)*, no. 5–6, pp. 49–64. (In Russ.).

Koryakov, Yu. B. (2020) Kartografirovaniie ural'skikh iazykov [Mapping of Uralic languages]. *Acta Linguistica Petropolitana*. vol. 16, no. 3, pp. 169–183. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573716308>

Kuskova, D. V. (2021) *Kachestvennye metody v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniiax* [Qualitative methods in psychological and pedagogical research]. *Aktual'nye issledovaniia*, no. 16 (43), pp. 128–131. [online] Available at: <https://apni.ru/article/2254-kachestvennye-metodi-v-psikhologo-pedagogich> (accessed 20.05.2023).

Larin, B. A. (1928) O lingvisticheskom izuchenii goroda [On the linguistic study of the city]. In: *Russkaia rech'* [Russian speech]: A collection of articles / ed. by L. V. Shcherba. Issue 3. Leningrad, Academia. Pp. 61–74. (In Russ.).

Lynch, K. (1982) *Obraz goroda* [The image of the city] / transl. from English by V. L. Glazychev; comp. and ed. by A. V. Ikonnikov. Moscow, Stroiizdat. 328 p. (In Russ.).

Milgram, S. (2000) *Eksperiment v sotsial'noi psikhologii* [The individual in a social world] / transl. from English by N. Yu. Vakhtina et al. St. Petersburg, Piter. 336 p. (In Russ.).

Mitin, I. I. (2017) Mental'nye karty goroda: istoriia poniatii i raznoobrazie podkhodov [Urban mental maps: History of the term and the diversity of approaches]. *Urban Studies and Practices*, vol. 2, no. 3 (8), pp. 64–79. (In Russ.).

Noelle, E. (1993) *Massovye oprosy: vvedenie v metodiku demoskopii* [Umfragen in der Massengesellschaft: Einführung in Die Methoden der Demoskopie] / transl. from German; ed., opening and closing chapters by S. N. Masurov. Moscow, AVA-ESTRA. 274 p. (In Russ.).

Olshansky, V. B. (1997) Stanovlenie metoda neokonchennykh predlozhenii v Sovetskom Soiuzе 70-kh gg. [The development of the method of unfinished sentences in the Soviet Union in the 70s]. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Models (Sociology: 4M)*, no. 9, pp. 82–97. (In Russ.).

Pakhomov, A. P. (2012) Metodika «Nezakonchennye predlozhenii» Sacks-Levy kak uchebnoe posobie [The sentence completion test (Sacks & Levy) as a training manual]. *Experimental Psychology*, vol. 5, no. 4, pp. 99–116. (In Russ.).

Popova, Z. D. and Sternin, I. A. (2007) *Kognitivnaia lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST; Vostok — Zapad. 314, [6] p. (In Russ.).

Rossiiskaia Arktika: korennye narody i promyshlennoe osvoenie [Russian Arctic: Indigenous peoples and industrial development] (2016) / ed. by V. A. Tishkov. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 272 p. (In Russ.).

Selishchev, A. M. (1928) *Iazyk revoliutsionnoi epokhi: iz nabliudenii nad russkim iazykom poslednikh let (1917–1926)* [The language of the revolutionary epoch: From observations on the Russian language of recent years (1917–1926)]. 2nd edn. Moscow, Rabotnik prosveshcheniia. 248 p. (In Russ.).

Trubina, E. G. (2008) *Urbanisticheskaiia teoriia* [Urban theory]: A study guide. Ekaterinburg, Ural State University Publ. 323, [1] p. (In Russ.).

Shakhmatov, A. A. (1916) *Vvedenie v kurs istorii russkogo iazyka [Introduction to the course of the history of the Russian language]*. Part 1: Istoricheskii protsess obrazovaniia russkikh plemen i narechii [The historical process of formation of Russian tribes and dialects]. Petrograd, Publication of the Student Publishing Committee at the Faculty of History and Philology of Petrograd University. [2], 146, II, [1] p. (In Russ.).

Shor, R. O. (1926) *Iazyk i obshchestvo [Language and society]*. 2nd ed. Moscow, Rabotnik prosveshcheniia. 152 p. (In Russ.).

Yunakovskaya, A. A. (2011) «Iazyk goroda» kak lingvisticheskaia problema [“City language” as linguistic problem]. *Vestnik Omskogo universiteta*, no. 3 (61), pp. 193–197. (In Russ.).

Block, J. H. (1973) Conceptions of sex role: Some cross-cultural and longitudinal perspectives. *American Psychologist*, vol. 28, no. 6, pp. 512–526. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0035094>

Booth, Ch. (1897) *Life and labour of the people in London*. London, Macmillan & Co., Ltd; New York, The Macmillan Co. Vol. 9. viii, 455 p.

Booth, Ch. (1903) *Life and labour of the people in London*. London : Macmillan & Co., Ltd; New York, The Macmillan Co. Vol. 17 (final). xv, 451 p.

Burgess, E. W. (1925) The growth of the city: An introduction to a research project. In: *The city* / ed. by R. E. Park, E. W. Burgess and R. D. McKenzie. Chicago, IL, University of Chicago Press. x, 239 p. Pp. 47–62.

Forer, B. R. (1960) Word association and sentence completion methods. In: *Projective techniques with children* / ed. by A. I. Rabin and M. R. Haworth. New York; London, Grune & Stratton. xiii, 392 p. Pp. 210–224.

Jacobson, D. (2006) Mental maps. In: *Encyclopedia of human geography* / ed. by B. Warf. Thousand Oaks, CA; London; New Delhi, SAGE Publications. xxviii, 616 p. Pp. 299–301.

Lynch, K. (1960) *The image of the city*. Cambridge, MA ; London, The Technology Press ; Harvard University Press. vii, 194 p.

Milgram, S. (1977) *The individual in a social world: Essays and experiments*. Reading, MA, Addison-Wesley Publishing Company. x, 373 p.

Rohde, A. R. (1957) *The sentence completion method: Its diagnostic and clinical application to mental disorders*. New York, Roland Press. xii, 301 p.

Rotter, J. B. (1951) Word association and sentence completion methods. In: *An introduction to projective techniques & other devices for understanding the dynamics of human behavior* / ed. by H. H. Anderson and G. L. Anderson. New York, Prentice-Hall, Inc. xxiv, 720 p. Pp. 279–311.

Sacks, J. M. and Levy, S. (1950) The sentence completion test. In: *Projective psychology: Clinical approaches to the total personality* / ed. by L. E. Abt and L. Bellak. New York : Alfred A. Knopf, Inc. 485 p. Pp. 357–402.

Sanders, R. A. and Porter, P. W. (1974) Shape in revealed mental maps. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 64, no. 2, pp. 258–267.

Suzman, R. M. (1973) Psychological modernity. *International Journal of Comparative Sociology*, vol. 14, issue 3–4, pp. 273–287. DOI: <https://doi.org/10.1177/002071527301400307>

Tendler, A. D. (1930) A preliminary report on a test for emotional insight. *Journal of Applied Psychology*, vol. 14, no. 2, pp. 122–136. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0076066>

Tolman, E. C. (1948) Cognitive maps in rats and men. *The Psychological Review*, vol. 55, no. 4, pp. 189–208. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0061626>

Várnai, Z., Szeverényi, S. (2022) Identity and language in an Arctic city: The case of the indigenous peoples in Dudinka. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, vol. 16, no. 4, pp. 701–720. DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-4-701-720>

Submission date: 25.05.2023.

Acceptance date: 30.06.2023.